

Эдуард БАТАЛОВ

Советская политическая культура

(к исследованию распадающейся парадигмы) *

Попробуем теперь, опираясь на доступную информацию¹, очертить общие контуры феномена, именуемого «советской политической культурой». Возьмем ее в том виде, какой она приобрела на рубеже 20—30-х годов и сохраняла в главных чертах на протяжении десятилетий.

При всех отличиях от дореволюционной российской культуры советская политическая культура была ее естественной (пусть и невольной) преемницей. Больше того, некоторые ее элементы были не чем иным, как превращенной формой существования традиционной культуры в условиях XX века — подобно тому, как сам Советский Союз был адекватной условиям нынешнего столетия формой существования Российской империи. Как резонно замечает Р. Такер, «сколь бы ни была революция новаторской в культурном отношении — в смысле создания новых институтов, убеждений, ритуалов, идеалов и символов,— национальный культурный этос продолжает свое существование многими путями, причем в одних сферах жизни более устойчиво, чем в других. Со временем происходит процесс адаптации, посредством которого элементы дореволюционного культурного прошлого нации ассимилируются в новую революционную культуру, которая таким образом принимает форму амальгамы старого и нового»².

При этом не надо упускать из виду, что советская культура 30-х годов и более позднего времени по ряду параметров существенно отличалась от культуры, начавшей было формироваться в России в первые послереволюционные годы, когда еще сохранялись надежды на продолжение мировой революции на Западе и российский социализм рассматривался лишь как первое звено в цепи глобальных

* Начало см. «Общественные науки и современность», 1994, № 6.

¹ Российские политологи не располагают материалами опросов общественного мнения, позволяющими проследить динамику советского политического сознания. Даже когда было разрешено проводить ограниченные опросы и реализовывать социологические проекты вроде Таганрогского (см. «Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования». М., 1980), сфера политики оставалась в целом заповедной для исследования. И все же в распоряжении российского политолога имеются материалы, позволяющие реконструировать качественные параметры советской политической культуры. Это документы (часть которых стала доступной лишь недавно), характеризующие деятельность партийно-государственных учреждений и состояние массового сознания; мемуары политиков и близких к ним лиц; исследования отечественных социологов и историков вроде вышеупомянутой «Массовой информации...». Это произведения советских писателей, воспроизводящие дух эпохи (М. Шолохов, В. Маяковский, М. Горький, А. Платонов, А. Солженицын, А. Бек, В. Кочетов, А. Зиновьев и др.). Это, наконец, собственный опыт автора этих заметок, прожившего при советской власти почти шесть десятилетий.

² Tucker R. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev. New York — London, 1987, p. VII—VIII.

коммунистических преобразований. Конечно, некоторые существенные элементы ленинской традиции продолжали жить и в сталинской политической культуре, однако последняя воплощала собой отрицание ряда фундаментальных принципов ленинизма как революционного учения, ориентированного на интернационализм и радикальный разрыв с прошлым.

Любая национальная политическая культура включает в себя как идеальные (императивно-нормативные) модели сознания и поведения, которые нередко закрепляются официальной идеологией, так и модели, реально действующие, вступающие порой в противоречие с официальными догмами. Представим себе, цитирует Такер политолога Р. Феджина, что в стране «Х» большинство граждан убеждено, что правительственные чиновники, берущие взятки, поступают дурно, а между тем взятки чиновники все-таки берут. Что считать политической культурой данного общества: убеждения граждан или поведение чиновников? «И то и другое», — отвечают Феджин с Такером³, а вместе с ними и большинство политологов. И они правы, ибо и убеждения граждан, и реальное поведение чиновников, если они приняли устойчивый массовый характер, служат воспроизводству сложившейся системы политических отношений. Поэтому исследователь культуры держит в поле внимания как идеалы, так и реальность — даже если они противоречат друг другу. Тем более, когда дело касается советского общества, где разрыв между официальными установками и живой политической жизнью приобрел со временем колоссальные масштабы.

А теперь обратимся непосредственно к исследуемому феномену и посмотрим, как советская политическая культура проявлялась в сферах политического сознания и поведения массового субъекта, а также в сфере функционирования политической системы и ее институтов. И начнем с культуры политического сознания⁴, включающей в себя культуру ориентации субъекта в отношении политической системы и политического процесса, культуру межличностных ориентаций и культуру политического самосознания.

Следует сразу уточнить, что массовое политическое сознание, господствовавшее в СССР, — не просто массовое сознание, точно так же, как массовый субъект — не просто наиболее распространенный тип субъекта. «... Массы, с одной стороны, и группы, в том числе классы, — с другой, объективно представляют собой качественно различные типы социальных общностей, которые, не заменяя друг друга и не совпадая друг с другом, существуют в современных обществах наряду друг с другом»⁵. Иначе говоря, помимо общностей групповых (классовых) имеют место общности трансгрупповые (массовые), которые, как показала история XX века, могут не только существовать бок о бок с первыми, но и вытеснять их⁶. Так и произошло сначала в Советском Союзе, а затем в других социалистических странах.

В горячке революции, в ходе гражданской войны, коллективизации, индустриализации, урбанизации, массовых репрессий были разрушены «перегородки» между традиционными социальными и профессиональными группами, подрублены корни, связывающие людей с родными гнездами. Миллионы мужчин и женщин были сбиты в однородную массу и разбросаны по социальным и профессиональным «ячейкам». И что существенно: принципиальных, качественных различий в сознании этих массовых общностей не существовало вовсе.

³ Ibid., p. 4.

⁴ Поскольку вопрос о соотношения политического сознания и политической культуры остается предметом дискуссии, выскажу свою позицию. С одной стороны, политическое сознание как рефлексия субъекта политического процесса относительно этого процесса и собственной роли в нем шире политической культуры, поэтому последняя фиксирует лишь устойчивые, типические образцы этого сознания. С другой стороны, политическая культура шире политического сознания, так как включает в себя наряду с последним образцы политического поведения индивидов и групп и функционирования политической системы и ее институтов.

⁵ Грушин Б. А. Масса как субъект исторического и социального действия. «Рабочий класс и современный мир», 1984, № 5, с. 42.

⁶ Подробнее см. Б а т л о в Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990, с. 92—95.

Железнодорожник и писатель, учитель и чернорабочий, слесарь и пограничник... — все они были солдатами партии и служащими государства, все сидели на стандартной идеологической пайке, все были носителями советского массового политического сознания. Что оно собой представляло?

В основе ориентации субъекта политического процесса лежит его отношение к политике как к специфической сфере общественной жизни и специфической форме деятельности. Анализ таких переменных, как уровень политической информированности населения, его предрасположенность рассматривать все сквозь призму политики, реальная вовлеченность людей в политический процесс и уровень их политической активности опровергают расхожее представление о высокой степени политизированности советского общества и его граждан.

В самом деле, вся информация о внутренней и внешней политике строго дозировалась и ограничивалась в СССР. Советский человек знал о политике только то, что, по разумению властей, обязан был знать, чтобы функционировать в качестве стандартного, легко заменяемого «винтика» Системы. Уровень реальной вовлеченности людей в политический процесс, особенно на его верхних этажах, тоже не был высоким. Если исходить из модели, проводящей различие между ориентациями граждан на процессы, происходящие на «входе» Системы и имеющие политический характер (поскольку именно здесь принимаются властные решения), и процессы, идущие на «выходе» и имеющие административный характер (так как они связаны с реализацией уже принятых решений), то советская политическая культура может быть описана как ориентирующая массового субъекта именно на «выход», на практические результаты функционирования политической системы, проявляющиеся в обыденной жизни⁷.

Таким образом, характерной чертой культуры политического сознания советских людей были индифферентное отношение к политике и низкий уровень ориентации на участие в политическом процессе, что составляло важнейшую предпосылку воспроизводства тоталитарного режима в стране.

Одна из базовых переменных культуры политического сознания — отношение граждан к политической системе (политическому режиму), степень ее поддержки и доверия к ней. В СССР абсолютное большинство людей поддерживало существующую политическую систему или занимало по отношению к ней позицию лояльного нейтралитета. Причина этого кроется в том, что даже люди, осознававшие пороки советского строя, прошедшие через тюрьмы и лагеря (не говоря об остальных), не видели реальной альтернативы советской системе.

Особо следует остановиться на отношении советского человека к государству. В первые послереволюционные годы, когда в России начала складываться революционная политическая культура, основанная на марксистском представлении об отмирании государства, антиэтатистские настроения были сильны не только среди ленинской гвардии, но и в народе. Они отвечали глубоко укорененному в российском сознании стремлению к «воле», к жизни, основанной на безгосударственном начале⁸. Но во второй половине 20-х годов стало очевидным, что до коммунизма в России — не рукой подать, а на Западе революция захлебнулась.

⁷ В книге «Массовая информация...» приводятся данные, характеризующие общественные ориентации населения советского среднего города. Согласно проведенным в 60—70-е годы комплексным исследованиям, большинство горожан, направлявших письма в «органы управления» и искавших личные контакты с юс представителями, были озабочены отнюдь не политическими вопросами. «Объем внимания» авторов информации к различным сторонам жизни советского общества «распределялся следующим образом: проблемы производства — 10% всей переданной информация, сферы обслуживания и быта — 79, проблемы управления — 8 процентов» (указ. соч., с. 401).

⁸ Иван Ильин, один из самых глубоких мыслителей русского зарубежья, так писал об исторических основаниях этой психологии и ее практических следствиях: «Дисциплина хороша лишь в меру. Русь велика и равнинна. Надо бежать вдаль, искать «свободной» жизни и устраиваться по-новому. И в течение всей русской истории Холопий Приказ должен был работать не покладая рук. Люди сбрасывали государственное тягло: «постылое тягло на мир полегло»... И уходили «на волю», в степи и леса» (Ильин И.А. Собр. соч., т. 2, кн. II. 1993, с. 95. Курсив авт.— Э. Б.).

Теперь преемникам Ленина приходилось думать о закреплении победы революции «в одной отдельно взятой стране» а значит, и об укреплении государства, Большевики делали все возможное (добиваясь в этом успеха), чтобы этатистская ориентация стала одним из фундаментальных устоев советского политического сознания и поведения. При этом государство воспринималось массовым сознанием как патерналистская сила, а этатистская ориентация воспитывала в массах выгодный для Системы гражданско-политический инфантилизм, который до сих пор сковывает многих россиян по рукам и ногам.

Органическим дополнением этатизма становится устойчивая ориентация на вождя. Перефразируя известные слова о «богоискательстве» и «богостроительстве», можно сказать, что с конца 20-х годов партия взяла твердый курс на вождейство и вождестроительство. И тут ей было на что опереться. Монархистское сознание, пусть изрядно расшатанное революциями и большевистской пропагандой, все еще сохранялось у части россиян. Работала в этом направлении и традиция. «Известно, что в России исстари были склонны к византийской сакрализации самодержца, и петровская «вестернизация» любопытнейшим образом это не отменила, а продолжила и переименовала»⁹.

Но византийская традиция была, пожалуй, не главной. Советское общество строилось как региональный интернационал с очень сильным азиатским элементом — в плане не только этническом, но и политическом. Существовавшая в азиатских регионах Российской империи традиционная политическая культура — по сути феодальная — оказала большое влияние на формирование советской политической культуры, что и проявилось наглядно в вождизме, хотя и не только в нем.

В ходе политического общения индивид вырабатывает культуру ориентаций в отношении не только институтов власти, но и других индивидов, участвующих в политическом процессе. Это фиксируется соответствующей системой ценностей, первой из которых для советского человека всегда было *равенство*. При этом в отличие от граждан либерально-демократических обществ для советского человека характерна ориентация на равенство не только условий, но и возможностей и результатов, и не только в политической, но и в экономической и социальной областях.

Это не значит, что в советском обществе все были равны и все с энтузиазмом стремились к поддержанию равенства. Были в СССР и миллионеры, и нищие, и привилегированные группы. Но первые скрывали свое богатство, а существование миллионов нищих скрывало государство. В итоге складывалась парадоксальная политико-культурная ситуация, когда при скрытом неравенстве массы устойчиво ориентировались на тотальное равенство, а власти провоцировали и поддерживали эту ориентацию на идеологическом уровне, игнорируя на практике.

Одним из центральных организующих принципов межличностных отношений в Советском Союзе был *коллективизм*. Эта ориентация, внедрявшаяся в массовое сознание сверху, усваивалась с тем большей легкостью, что коллективистские (общинные) традиции всегда были сильны в России, особенно среди крестьянства, т. е. в той самой среде, из которой в 20—30-е годы рекрутировалась большая часть населения крупных городов и которая служила основным поставщиком кадров для большевистской партии.

В основе советского понимания коллективизма лежит не просто отрицание индивидуализма, который клеймится пропагандой как «буржуазный принцип», и не просто признание приоритета общества по отношению к индивиду. Коллективизм в советском официальном понимании предполагает растворение индивида в коллективе, подчинение личных интересов общественным¹⁰, самоотречение вплоть до

⁹ Баткин Л. Сон разума. «Осмыслить культ Сталина». М., 1989, с. 10. Сам Баткин ссылается на работу В. Живова и Б. Успенского «Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России» (см. «Языки культуры и проблемы переводимости». М., 1987).

¹⁰ В «Толковом словаре русского языка» Д. Ушакова, изданном в 1935 году, «гражданин» истолковывается как «сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным» (т. 1, М., 1935, с. 613).

самопожертвования, превращение в безличный, бесполой элемент гигантского организма, в стандартную частицу «массы», «Мы» полностью заменяет «Я»*.

Советский коллективизм культивирует в человеке противоречивые качества. С одной стороны, готовность прийти на помощь другому, дух солидарности и товарищества, ощущение причастности к судьбам страны и чувство ответственности за общее дело. Но он же и подавляет инициативу («делай, как все!»), стимулирует уравниловку и иждивенческие настроения, атрофирует способность к самоорганизации. В годы «большого террора» проявились отвратительные черты «коллективиста», о которых жестко, но справедливо говорил И. Ильин: «Политическое доносительство (часто заведомо ложное), притворство и ложь, утрата чувства собственного достоинства и почвенного патриотизма, мышление чужими мыслями, льстивое раболепство, вечный страх»¹¹.

Зависимость советского человека от государства, партии и коллектива; страх перед властями, стоящими над законом; осознание своей неспособности существенно повлиять на ход политических событий не то что в стране, но даже в округе — все это способствовало формированию такой черты советской политической культуры, как *конформизм*, логическим и психологическим продолжением и дополнением которого в условиях тоталитарного общества выступает *нетерпимость к инакомыслию*.

В политическом плане нетерпимость выливалась в отказ признать конструктивную оппозицию в качестве легитимной силы, в плане идеологическом — в отрицание любой идеи, не согласующейся с официальным кредо. А все вместе предопределяло идейно-политическую, морально-психологическую и организационную *ригидность*, неготовность обществ к радикальным переменам, что и проявилось в полной мере в перестроечные и постперестроечные годы.

Одна из наиболее характерных черт советской политической культуры — всеобщее неуважение к закону, ориентация на неправовые методы решения политических проблем. Это в общем и неудивительно: суд в его современном понимании появился в России лишь во второй половине XIX века и просуществовал как независимое учреждение всего несколько десятилетий, не успев закрепить свой авторитет. Антилегалистская традиция была поддержана и усилена большевиками с их подозрительно-нигилистическим отношением к закону и праву как ограничителям насилия и произвола.

Правовой нигилизм и низкий уровень законопослушания «подготавливали» сознание советского человека к манихейски-конфликтному восприятию политической жизни и ориентации на использование силовых методов решения проблем. Ему постоянно внушали, что он живет в осажденной крепости, а враги внутри страны и за рубежом непрерывно плетут заговоры против СССР. При этом, согласно известному сталинскому тезису, чем больше успехи социализма, тем отчаяннее их сопротивление.

Подобная установка, доводившая реальные факты до крайности, формировала параноидальное сознание, ориентированное на непрерывную борьбу и войну — с империализмом, с «врагами народа», с «временными трудностями», с «отщепенцами» и т. д. Советского человека приучили смотреть на мир сквозь черно-белые очки, скрывавшие другие краски и полутона: только белое и черное, только «свои» и «чужие». Установка на конфликтное восприятие политического мира сделала советское политическое сознание негибким. Нам плохо давалось умение разговаривать с оппонентами и идти при необходимости на компромисс, разрешать конфликтные ситуации мирными средствами. Людей ориентировали на жесткость, бескомпромиссность, а то и насилие.

Уместно в этой связи напомнить, что в основе всей философии большевизма я питавшей ее марксистской традиции лежало представление о глубинной взаимосвязи социально-политического прогресса и насилия. Как утверждал Энгельс, «насилие является тем орудием, посредством которого

¹¹ Ильин И. Наши задачи. Т. 1. М., 1992, с. 28.

общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы»¹².

Неотъемлемый элемент политической культуры — культура политического самосознания. В каждом обществе существуют модели политической самоидентификации его членов, в соответствии с которыми последние соотносят себя с определенными ролями, идейно-политическими течениями, организациями. Отсутствие идеологического и политического плюрализма в Советском Союзе предопределило и отсутствие дифференцированной партийно-политической и идеологической самоидентификации ее граждан. У нас не было ни «либералов», ни «консерваторов», ни «социал-демократов», ни «левых», ни «правых». Все были «коммунистами» — партийными и беспартийными.

Другая особенность советского политического самосознания — приоритетное соотнесение себя не с той или иной нацией или народностью, живущей в СССР, а с «советским народом» как единой нерасчленимой массой, в которой национальные признаки хотя и не исчезают вовсе, но существенно нивелируются, а в идеале должны быть практически сведены на нет.

Неразвитость индивидуалистической культуры, ориентация на коллективизм предопределили низкий уровень субъективной компетентности¹³ советского человека, с чем в немалой степени связаны и его политическая пассивность, нежелание брать на себя инициативу, пытаться изменить статус-кво и т. п.

Завершая краткий обзор культуры советского политического сознания, невозможно умолчать о такой ее черте, как *двоемыслие и разрыв между словом и делом*. Советские люди жили по двойному стандарту: говорили одно, а думали и делали другое.

Забегая вперед, скажу, что партия-государство, прекрасно зная о двойном стандарте массового сознания, платило гражданам той же фальшивой монетой. Классический пример — Сталинская конституция, имевшая весьма слабое соприкосновение с реальной жизнью общества.

Политическая культура артикулируется посредством знаковых систем («языков»), устойчивое ядро которых само входит органической частью в эту культуру. Первая и главная из таких систем — национальный политический язык, этот естественный код культуры. В отличие от демократических обществ, где существует, как правило, несколько политических языков, отличающихся друг от друга по терминологии, стилистике, эмоциональной окраске и другим параметрам, в советском обществе все граждане говорили на едином политическом языке, являвшем собой образец *идеологизированности* — не только в том смысле, что он был перенасыщен понятиями, заимствованными из марксистско-ленинско-сталинского лексикона, но и в том плане, что реальная политическая жизнь интерпретировалась исключительно в духе официальной идеологии, а политические процессы и явления описывались в идеологических категориях.

Политическая культура как часть общей культуры — это, говоря словами Ю. Лотмана, «область символизма». Она имеет, «во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу»¹⁴. Под политическими символами понимаются знаковые выражения, имеющие вещественно-конкретную или абстрактную форму и репрезентирующие различные аспекты политического мира — от политической системы и ее институтов до позиций отдельных групп.

В СССР политическая символика формировалась как путем создания оригинальных образований (советский герб, флаг, гимн и т. п.), так и путем заимствования и переосмысления символов, связанных с историей дореволюционной России (Кремль, Красная площадь, военная атрибутика и др.). Особенно отчетливо тяготение к возрождению символов прошлого проявилось в годы

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 189.

¹³ «Если индивид *может* оказывать такое влияние (речь идет о влиянии на элиты, принимающие политические решения — Э. Б.), мы будем рассматривать его как политически компетентного; если же он *полагает*, что *может* оказывать такое влияние, он будет субъективно компетентным (Almond O., Verba S. The Civic Culture. Princeton, 1963, p. 181. Курсив мой.— Э. Б.).

¹⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994, с. 6.

3 ОНС, № 3

Великой Отечественной войны, когда были, например, возвращены в армию погоны и некоторые прежние воинские звания и учреждены ордена имени Суворова, Кутузова, Нахимова и других российских полководцев.

Особое место в ряду политических символов занимали такие интегральные по смысловой насыщенности акты, как военные парады и праздничные демонстрации. Сложную символическую нагрузку несли и разного рода политические обряды — партийные собрания и съезды, смотры, декады, другие массовые мероприятия, призванные продемонстрировать державность, силовую мощь, трудовой энтузиазм, «единство рабочего класса и крестьянства», дружбу народов, «единство народа и партии», мудрость советских руководителей — словом, базовые социалистические ценности.

Хотя в политическом поведении массового субъекта имеется много такого, что уже присутствует в его политическом сознании, в нем есть и такие стереотипы, которые не «запрограммированы» сознанием, а становятся результатом взаимодействия субъекта и среды и/или проявления бессознательного психического в поведении. Вот почему культура политического поведения составляет автономную область политической культуры и требует самостоятельного рассмотрения.

Из наиболее типичных массовых форм конвенционального (легитимного и отвечающего принятым нормам) участия в политике в советском обществе можно выделить следующие. Это прежде всего электоральное участие, отличающееся беспрецедентно высоким уровнем. Согласно официальным данным, в сталинские времена в выборах принимали участие около 99% зарегистрированных избирателей. После смерти вождя показатель стал ниже — но не намного. Далее, поразительное единодушие в поддержке кандидата, занесенного в избирательный бюллетень, что было связано и с нежеланием людей иметь неприятности, и с отношением к выборам (точнее, к голосованию) как к чисто формальному мероприятию.

Из других форм политического участия, допускаясь или даже поощряясь властями, отметим работу в «общественных» организациях; контакты с правительственными (партийными) чиновниками; обращения (письма) в партийные комитеты и правительственные учреждения, а также в газеты и журналы.

Хотя совокупная численность членов КПСС и ВЛКСМ выражалась внушительной цифрой, деятельность большинства граждан в этих организациях ограничивалась уплатой членских взносов и в лучшем случае посещением собраний, которые мало что решали. Да и само пребывание в партии и комсомоле очень часто обуславливалось чисто карьерными мотивами. Что касается контактов с партийно-государственными чиновниками, писем в газеты, на радио и телевидение, лишь небольшая их часть была связана с политикой. Даже в 1988 году, когда социологи заговорили о «взрыве массовой активности», 49,7 % граждан Советского Союза определили свою позицию как «неучастие» в общественно-политической жизни страны. Участвовали в ней, «отстаивая свою точку зрения на профсоюзных, партийных собраниях», 20,6%, а в «газеты, советские или партийные органы» обращались 9,3% граждан¹⁵.

Все это дает основание говорить о низком уровне конвенционального участия советских людей в политике или, если следовать формуле Г. Алмонда — С. Вербы, о «пассивной политической позиции подданного». Логическим продолжением этой позиции было практически полное отсутствие в политическом поведении неконвенциональных форм — ситуация, разительно отличающаяся от практики массовых действий наших дней, нередко принимающих не просто экстремистский, но уголовный характер. Конечно, и в странах с демократическими традициями неконвенциональное поведение в обычных условиях значительно уступает по масштабам и популярности поведению конвенциональному¹⁶.

¹⁵ «Есть мнение! Итоги социологического опроса». М., 1990, с. 100.

¹⁶ Согласно ряду исследований, в 60—70-х годах, когда США переживали подъем массовых движений, в «массовых уличных демонстрациях» принимали участие 3%, в «бунтах» — 2, в «митингах протеста» — 6, «отказывались повиноваться несправедливым законам» — 16, «резко протестовали, если правительство делало что-либо нравственно порочное», — 26% граждан (см. Milbrath L. Political Participation. «The Handbook of Political Behavior», V. 4. New York — London 1981 p. 207) В обычных условиях эти показатели еще ниже.

Однако в Советском Союзе число лиц, готовых выступить с акциями протеста против действий властей, измерялось буквально единицами. Система ориентировала на массовые, коллективные формы деятельности, которые стали в конце концов не только доминирующими, но и, по сути дела, единственно легитимными, разумеется, при условии, чтобы они не выходили за конвенциональные рамки.

Массовый советский человек — политически безынициативный субъект, лишенный навыков к политической самоорганизации и самостоятельности. Его поведение во многом построено по военному образцу, предполагающему строгое подчинение нижестоящего вышестоящему, отсутствие обратной связи, действие по команде.

Некоторые стереотипы сознания и поведения, присущие советскому человеку, начинают проявляться в массовом масштабе только теперь, когда открывается пространство для свободного самовыражения личности, а политическая борьба приобретает (хотя бы отчасти) публичный характер. Причем некоторые из этих стереотипов, как обнаруживается при внимательном рассмотрении, имеют глубокие исторические корни. К их числу относится и поведенческий экстремизм, или, говоря словами Д. Лихачева, стремление «во всем доходить до крайностей, до пределов возможного». «Эту черту доведения всего до границ возможного и при этом в кратчайшие сроки можно заметить в России во всем... Хорошо это или плохо? Не берусь судить; но что Россия, благодаря этой своей черте, всегда находилась на грани чрезвычайной опасности — это вне всякого сомнения, как и то, что в России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем»¹⁷.

И не только мечта, но и деятельные попытки приблизить это будущее, доходя опять-таки до края: сначала — построить социализм «в одной отдельно взятой стране», затем — коммунизм за двадцать лет, позднее — совершить за десяток лет скачок из царства тоталитаризма в царство демократии. И везде все те же устойчивая неспособность, неумение, да и внутреннее нежелание русского человека обуздать себя, удержаться в политическом «центре», соблюсти меру.

Если при рассмотрении политической культуры индивида и группы исследователь ограничивается сферами сознания и поведения, то при анализе политической культуры общества как целого он обязан подняться на новую ступень и исследовать культуру функционирования политической системы. Эта культура находит проявление в способах организации властных отношений, принятия политических решений и их последующей реализации, регулирования социально-политических противоречий и конфликтов, взаимодействия с другими нациями и международными общностями.

Пожалуй, наиболее полное и последовательное воплощение культура функционирования политической системы, какой она сложилась в СССР к 30-м годам, нашла в двух взаимосвязанных явлениях. Во-первых, в слиянии воедино партии и государства, вернее, в присвоении партией важнейших государственных функций и превращении ее руководящего ядра (номенклатуры) в особый отряд государственных чиновников-управленцев, построенный по иерархическому принципу. Во-вторых, в концентрации законодательной, исполнительной и судебной властей в одних руках с выдвижением на первый план исполнительных структур и подчиненной ролью суда.

Одним из важнейших принципов организации и осуществления политической власти в СССР был *централизм*. В Конституцию СССР 1977 года ввели даже специальную статью, провозгласившую централизм в качестве принципа «организации и деятельности Советского государства».

Согласно Конституции СССР, принятие важнейших политических решений, определяющих судьбы страны, было прерогативой избираемых народом Советов

¹⁷ Лихачев Д. О национальном характере русских. «Вопросы философии», 1990, № 4, с. 5.

и соответствующих исполнительных органов. На самом же деле эта функция была закреплена за инстанциями, не имевшими на то народного мандата и конституционных полномочий и практически не считавшихся с действующим законодательством. Иными словами, способ принятия политических решений в СССР был *иллегитимным*.

Все решали партийные комитеты — от райкома до ЦК. Точнее, не комитеты, а партийные авторитеты, возглавлявшие эти комитеты и/или входившие в их секретариаты и бюро, или в неформальное «руководящее ядро»¹⁸. Иначе говоря, решения принимались закрытыми элитными группами, возглавлявшимися формальными или неформальными лидерами. Таким образом, для советской системы был характерен авторитарный тип принятия политических решений.

Это, разумеется, не исключало борьбы между элитами и входившими в них группировками — ведомственными, региональными, клановыми. Ее исход зависел в немалой степени от влияния противоборствующих сил, которое, в свою очередь, определялось сконцентрированной в их руках властью.

А какого рода мотивация определяла принимаемые авторитетами решения? Прежде всего политическая. Однако при этом далеко не всегда партийные руководители отдавали предпочтение национальным интересам страны. Тем более, что важную роль в процессе принятия решений играли идеологические мотивы. Выносимые «вердикты» должны были соответствовать официальному кредо и тому имиджу, который (как считалось) Советский Союз имел или должен был иметь в глазах мировой общественности — даже если эти решения были лишены (как часто случалось) практической целесообразности. Не будучи «невольниками чести», советские политические авторитеты были невольниками «социалистической идеи», как они ее себе представляли, ибо должны были своими действиями демонстрировать веру в эту идею, приверженность ей и ее эффективность.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, определявшего роль идеологической мотивации, что в сознании некоторых руководителей прагматизм и цинизм удивительным образом сочетались с искренней верой в преимущества социализма и социалистическое будущее человечества, в освободительную миссию Советского Союза.

На авторитарно-иерархический тип принятия решений работал и тот дух закрытости и секретности, которым всегда было пронизано советское общество. Привнесенный большевиками, работавшими многие годы в условиях подполья и конспирации, этот дух был со временем возведен в принцип политической жизни советского общества.

Закрытость и секретность, как и ограничение прав человека, выглядят оправданными, когда общество пребывает в опасности, когда оно окружено врагами, грозящими уничтожить страну. По этой причине постоянное выискивание врага и борьба с ним, принимающие массовые масштабы, становятся одним из условий существования и воспроизводства советской политической системы.

Эта борьба опирается на *насилие*, ориентация на которое также становится существенным элементом нашей политической культуры.

То вовсе не было следствием какой-то патологии вождей: Ленина, Троцкого, Сталина и других. (То есть патология у некоторых из них просматривалась достаточно отчетливо. Но она была, так сказать, функциональна.) Советская политическая система не могла работать иначе, как опираясь на массовое насилие. Дело в том, что социалистический (коммунистический) идеал в том виде, в каком его пытались реализовать сначала в России, а затем в других странах, был искусственной конструкцией, и поддерживать ее в течение десятилетий, не дать ей рухнуть можно было только насильственным путем. Советский Союз разрушился не потому, что его разрушили силой. Напротив, он рухнул потому, что

¹⁸ Исключение составлял, пожалуй, лишь ЦК КПСС, в который входили многие руководители республиканских и областных комитетов и который в силу этого обстоятельства имел какие-то рычаги воздействия на Политбюро, Секретариат ЦК и Генсека.

его перестали удерживать силой от распада, скрытая тенденция к которому была заложена в нем с момента его возникновения.

Примечательными чертами советской политической культуры, унаследованной большевиками от старой России, отчетливо проявлявшимися во внешней политике СССР, были *мессианизм* и *экспансионизм*. Как и Америка, Россия чувствовала себя «посланной» в этот мир провидением для выполнения исторической миссии. «Доктрина о Москве как третьем Риме стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории...»¹⁹.

Как же охарактеризовать советскую политическую культуру в целом? К какому типу отнести? Согласно модели Алмонда — Вербы, ее следовало бы рассматривать как смешанную — своеобразное сочетание приходской, партиципаторной и подданической культур с явным преобладанием элементов последней.

Если ориентироваться на модель, предложенную американским политологом У. Розенбаумом²⁰, который кладет в основание типологии политических культур степень консенсуса относительно основополагающих политических ценностей и правил политической «игры», то советскую политическую культуру следует идентифицировать как «интегрированную». Для нее, в отличие от полярной ей «фрагментированной» культуры, характерны высокая степень консенсуса, стабильность, сотрудничество между субъектами политического процесса и другие признаки, присущие данному типу культуры.

Если же исходить из типологии, предложенной в свое время автором этих строк²¹, рассматриваемая культура являет собой едва ли не классический образец «этатистской» культуры как основанной на принципах государственного регулирования политической жизни при полном поглощении гражданского общества государством со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Советскую политическую культуру можно было бы охарактеризовать и как «тоталитарную» (имея в виду природу общества, которое она воплощала), «антигуманную», «консервативную». Однако самое точное ее определение — «социалистическая», ибо в ней наиболее полно отразились родовые черты социализма — не как мифического идеала, а как реального общественного строя, каким он явился на свет в Советском Союзе и еще в дюжине стран.

Ныне в России происходит смена политико-культурной парадигмы. Процесс болезненный, но исторически неизбежный. За последнюю четверть века его пережили Испания, Португалия, Греция, Чили, еще раньше — Германия, Италия, Япония. Сегодня вместе с нами его переживают восточноевропейские страны. И хотя этот процесс везде имеет свои особенности, существуют и некоторые общие закономерности.

Первая: длительность более или менее полного вытеснения в национальном масштабе одной политической культуры другой, что связано с выдвиганием на политическую авансцену новых и постепенным уходом старых поколений — смелой, растягивающейся на десятилетия.

Вторая: поэтапность процесса. Переход к иной парадигме происходит как бы методом напластования новых и вытеснения старых элементов. На протяжении всего переходного периода политическая культура социума носит смешанный характер: в рамках одной национальной общности сосуществуют старая и новая культуры, представленные различными политическими, территориальными и генерационными общностями. Эту культуру можно назвать «смешанной» еще и в том смысле, что в сознании и поведении одних и тех же индивидов и групп, равно

¹⁹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 8.

²⁰ См. R o s e n b a u m W. Political Culture. New York, 1975.

²¹ См. Баталов Э. Я. Массовое политическое сознание современного американского общества: методология исследования. «Общественные науки», 1981, № 3; его же. Политическая культура: понятие и феномен. «Политика: проблемы теории и практики». Вып. VII, ч. II. М., 1990.

как и в функционировании одних и тех же политических институтов, совмещаются, подчас противореча друг другу, старые и новые культурные образцы.

Третья: неравномерность процесса — пространственная и временная. Это свойственно прежде всего странам с федеративным устройством и многонациональным населением. Так что России нужно быть готовой к тому, что какие-то регионы могут отставать в своей политико-культурной эволюции, а какие-то (прежде всего мегаполисы вроде Москвы и Санкт-Петербурга) идти впереди других. Неравномерно происходит смена культур и во времени, подстегиваемая или сдерживаемая политическими потрясениями, конфликтами и кризисными явлениями в экономической и социальной сферах.

По-видимому, новая российская политическая культура будет складываться за счет четырех основных источников. Главный из них — собственная политическая практика. В стране налицо публичная политическая жизнь, в которую вовлечена значительная часть населения. Накапливается новый опыт, формируются новые традиции, на базе которых и начинают выкристаллизовываться современные политико-культурные образцы.

Второй - заимствование зарубежного опыта, главным образом западноевропейского и американского. Такое заимствование, хаотичное и бессистемное, уже идет полным ходом. Причем мы больше склоняемся к опыту Соединенных Штатов. Время внесет коррективы и в этот процесс, «отбирая» шаг за шагом (как это уже бывало не раз с петровских времен) то, что подходит для России.

Третий источник новой парадигмы — советское наследие, в котором нашли воплощение не только привнесенные, но и архетипические черты российской культуры и русской социальной природы, такие как, например, коллективизм, который ни при каких условиях не может быть вытеснен индивидуализмом американского образца.

Четвертый: новая политическая культура будет формироваться за счет возрождения (целенаправленного и стихийного) дореволюционной российской культуры. Это могут быть и те элементы, которые когда-то позаимствовали большевики (например, ориентация на создание сильного централизованного государства), и те, которые не были востребованы ими за ненадобностью, как, скажем, земское самоуправление. О подобной возможности писал в свое время русский философ Н. Лосский: «... В области политической культуры... императорская Россия создала ценности, которые приобретут всемирную известность тогда, когда их достаточно изучат и осознают, и прежде всего при возрождении в процессе послереволюционного развития русского государства»²².

Как конкретно будет выглядеть российская политическая культура XXI века, будет ли она напоминать «гражданскую культуру», которая, по утверждению Алмонда, Вербы и их приверженцев, господствует в США, Великобритании и других передовых демократиях, или же явит образец самобытности — сказать трудно. Многое будет зависеть от того, в каком направлении пойдет современное политическое развитие России, на какие культурные образцы будем ориентироваться, какие ценности исповедовать и как все это будет преломляться в сознании новых поколений, проходящих первичную политическую социализацию. Одно несомненно: политическая культура завтрашнего дня выковывается *сегодня*.

²² Лосский Н. История русской философии. М., 1991, с. 4.